

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Василий Борисович Кашин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Анастасия Сергеевна Пятачкова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Любовь Сергеевна Крашенинникова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 4 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 19 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Китай воспринимается, с одной стороны, как объект длительного санкционного давления, а с другой – как последовательный критик использования односторонних санкций в политических целях. Вместе с тем, Китай и сам на регулярной основе применяет односторонние экономические санкции по крайней мере с 2000-ных годов. По мере роста экономического могущества КНР примеров применения односторонних санкций Китаем становится все больше, а их эффективность – все выше.</p> <p>Анализ китайской санкционной политики осложняется тем, что большинство своих односторонних санкций Пекин вводит без официального объявления. Инструментами санкционного давления выступают экспортный контроль, повышенная активность органов госрегулирования, санитарные ограничения, перекрытие ранее одобренных кредитных линий и т.п.</p> <p>Китай демонстрирует наибольшую готовность к применению санкций в ответ на посягательства на свою военную безопасность и территориальную целостность, относимых Китаем к числу коренных национальных интересов. Но растет и число случаев применения санкций для обеспечения более широкого спектра задач.</p> <p>В статье изучены китайские подходы к применению односторонних санкций, отраженные в доступных публикациях китайских ученых и конкретных примерах санкционной политики КНР. Поскольку настоящая работа посвящена именно односторонним экономическим санкциям, в ней не рассматриваются вопросы участия КНР в исполнении санкционных мер, введенных в действие решением Совета Безопасности ООН.</p> <p><i>Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Кашин В.Б.</i>, к.полит.н., старший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p> <p><i>Пятачкова А.С.</i>, младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ</p> <p>e-mail: apyatachkova@hse.ru</p> <p><i>Крашенинникова Л.С.</i>, эксперт, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ</p> <p>e-mail: liubovkrashenninnikova@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Китай; санкции; экономическая дипломатия; торговая война между КНР и США; внешняя политика КНР</p>	

В своей официальной внешнеполитической риторике Китай осуждает применение односторонних экономических санкций в качестве инструмента внешней политики. Более того, Китай на протяжении многих лет подчеркивал и продолжает подчеркивать что сам является объектом несправедливых экономических санкций¹. Подобной точки зрения придерживается не только МИД КНР в своих официальных заявлениях, но и значительная часть китайского академического сообщества.

В последние годы мы видим расширение использования санкций как инструмента экономического принуждения в мировом масштабе: увеличивается количество случаев применения санкций Советом Безопасности ООН, санкции все чаще вводятся как «альтернатива или дополнение к применению силы, а также для подкрепления переговорных позиций»².

Китай, несмотря на неоднократно декларируемое негативное отношение к санкциям, в этом смысле не стал исключением. Рост китайской экономики и увеличение веса КНР в мировой торговле расширяют возможности Пекина по оказанию экономического давления на другие государства. Первые китайские шаги в этом направлении привели к росту внимания к китайской санкционной политике в мире уже в 2000-е годы³.

¹ Китай призывает БРИКС активнее бороться с односторонними санкциями (China Calls BRIC for a more Active Fight on Unilateral Sanctions) // *Вести Экономика*, 28.06.2019. Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/121439>; Китай выразил протест санкциям США из-за уйгурского вопроса (China Expressed Protest Against U.S. Sanctions Concerning the Uigur Issue) // *Regnum*, 08.10.2019. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2741401.html>

² Тимофеев И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/> [Тимофеев, И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>]

³ Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

В условиях конфронтации КНР и США, развернувшейся в 2018 году, выросло число политизированных публикаций, авторы которых усматривают политическую подоплеку в любых китайских экономических проектах за рубежом.

Активно разрабатывается тема «китайской стратегии гибридной войны», изучение которой идет примерно в том же ключе, что и российской гибридной стратегии в 2014-2015 гг.⁴ В такой ситуации анализ реальной китайской санкционной политики, не преувеличивающий и не преуменьшающий ее масштабы становится особенно востребованным.

Первые признаки использования инструментов экономического принуждения в современном Китае относятся к середине 1990-х годов, относительно регулярный характер такие меры приняли к середине 2000-х. Их ранними проявлениями можно считать организованные представителями общественности, при явном одобрении властей бойкоты, направленные против стран, посягнувших на территориальную целостность и национальное достоинство КНР.

Например, волна массовых бойкотов японских товаров развернулась в 2005 году после посещения премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми Храма Ясукуни, посвященного памяти павших в сражениях японских военных, включая военных преступников.

Реакцией на политику Франции в тибетском вопросе, а также на антикитайские протесты во время эстафеты Олимпийского огня в Париже в 2008 году стали бойкоты расположенных в Китае магазинов французской сети Carrefour с попытками травли их покупателей со стороны активистов⁵.

Однако системный характер китайская санкционная политика обре-

⁴ См., например: Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

⁵ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, 2012. Pp. 121-133.

ла в 2010-е годы, на фоне укрепления китайской экономики и сокращения ее зависимости от прямых иностранных инвестиций⁶. В это время произошло значительное расширение применяемого набора методов, которые стали включать в себя не только ограничения на импорт из страны-объекта санкций, но и давление на расположенный в Китае бизнес из этого государства.

За отдельными исключениями (угрозы санкций за военно-техническое сотрудничество с Тайванем), Китай не заявляет о введении санкций официально.

Начальные санкции, как правило, заключаются в приостановке торговых переговоров и переносе на более поздний, порой неопределенный срок межгосударственных визитов, а также отказе от заключения планировавшихся совместных сделок. За этим следует введение ограничений на торговлю, приостановка кредитов, приостановка туристических поездок, давление налоговых органов, а также структур санитарного и противопожарного надзора на расположенные в Китае предприятия страны-нарушителя.

Меры экономического принуждения чаще всего носят краткосрочный характер, сопровождаются дипломатическим давлением и базируются на диспропорциональной значимости отдельной сферы для Китая и его партнера; также Китай исходит из того, что отношения в целом окажутся более важными для объекта, чем конкретный санкционный вопрос⁷. По наблюдениям экспертов, меньшие по масштабам экономики, где сильнее ощущается дисбаланс в пользу КНР, зачастую сталкиваются с более жесткими мерами⁸.

Китайские эксперты о стратегии применения санкций

Вопрос о применении санкций как орудия в политической борьбе великих держав все более подробно рассматривается в работах китайских ученых-международников, а также в публицистических материалах, ведущих китайских СМИ (например, «Цзинцзи гуанча бао», «Хуанцю шибао» и т.п.). Вместе с тем, тематика применения санкций самим Китаем является чувствительной и освещается не столь подробно.

Большинству китайских работ присуща точка зрения о крайней сдержанности КНР в применении мер экономического принуждения на протяжении всей истории страны. Ряд авторов в целом отрицают факт систематического применения Китаем экономических санкций. Например, статья Бай Ляньлэя из Китайской академии международных исследований так и озаглавлена: «Почему Китай не применяет экономические санкции»⁹. По мнению автора, Китай применяет санкции в редчайших случаях, как правило, они носят многосторонний характер, никогда не основываются на идеологических соображениях. Причиной тому является сохраняющееся «отставание КНР в стратегическом и экономическом потенциале». Вместе с тем, Бай отмечает, что в перспективе, по мере роста китайского экономического потенциала, КНР уже не будет в такой степени отдавать приоритет задачам обеспечения экономического роста а потому станет менее сдержанным в своей санкционной политике¹⁰.

Опубликованная в 2013 году статья исследователей из Уханьского университета Чжан Сяотуна, Ван Хунъюя и Чжао Кэ «О применении китайской экономической мощи», посвященная принципам китайской экономической дипломатии, вообще избегает

⁶ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures. Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁷ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

⁸ Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

⁹ Бай Ляньлэй. Чжунго Вэйхэ Бу Юань Шиюн Цзинцзи Чжицай (Почему Китай не хочет прибегать к экономическим санкциям) // Фудань Гоцзи Гуаньси Пинлунь, 2016, №.1. С. 150-166. [Bai Lianlei. Zhongguo Weihe Bu Yuan Shiyong Jingji Zhicai (Why Is China Unwilling to Employ Explicit Economic Sanctions?) // *Fudan Guoji Guanxi Pinglun*, 2016, No. 1. Pp. 150-166.]

¹⁰ Ibid.

использования слова «санкции». Авторы рассматривают изменения в отношениях Китая и других важнейших мировых экономических центров (США, ЕС и др.) на фоне изменения соотношения их экономической мощи.

Отмечая рост конфликтности в этих отношениях, авторы, вместе с тем, обращают внимание на относительную слабость КНР в отстаивании своих интересов в ходе торговых переговоров. Китай неспособен использовать гигантские масштабы своей экономики для успешной экономической дипломатии. Эта слабость выражается, на их взгляд, в сохранении большого числа антидемпинговых расследований в отношении китайской продукции, непризнании США и ЕС рыночного статуса китайской экономики, неспособности добиться отмены введенного в 1989 году против КНР Соединенными Штатами и Европой оружейного эмбарго и т.п.

Несмотря на стремление части китайских исследователей к отрицанию наличия у КНР развитой санкционной политики, ряд китайских авторов рассматривают вопросы применения санкций с практической стороны и разбирают кейсы применения санкционных мер в отношении отдельных иностранных государств.

Обзор китайской санкционной политики дается в статье исследователя Нанькайского университета Янь Лян «Китайские экономические санкции: цели и вопросы политики»¹¹. Автор обращает внимание на то, что Китай впервые перешел к использованию мер экономического принуждения еще до начала эпохи реформ и открытости, когда в 1970-е годы свернул программы помощи Албании и Вьетнаму в ответ на неблагоприятные изменения в их внешней политике. Ранним примером применения санкций Китаем реформенного периода ав-

тор считает наказание Франции за поставки оружия на Тайвань. Отмечается, что начавшееся исполнение французскими компаниями контракта с Тайванем 1992 года на поставки истребителей и боевых кораблей, привело к провалу французских компаний в крупном тендере на строительство метро в городе Гуанчжоу в 1993 году.

Янь Лян предлагает собственную классификацию применявшихся КНР ранее и потенциально возможных мер санкционного характера:

1. Санкции, нацеленные на изменение внешней политики государства по конкретным вопросам политики КНР, затрагивающих коренные интересы Китая. Примером автор считает введение КНР экономических санкций против Франции в 1994 году за поставки вооружений Тайваню («принуждение»).

2. Угроза экономических санкций как дипломатический сигнал для внутренней и иностранной аудитории, применяемая в ответ на нежелательные действия. Это политический шаг, ценный сам по себе вне зависимости от реального применения санкций. Пример – угроза КНР ввести санкции в отношении компаний США, вовлеченных в контракт на поставки вооружений Тайваню в 2010 году.

3. Устрашение – превентивные меры, например, введенные США в августе 1950 года санкции в отношении КНР и КНДР в попытке предотвратить участие КНР в войне на Корейском полуострове.

4. Карательные санкции – как со стороны КНР в отношении Албании в 1978-1983 годах и в отношении Вьетнама в 1978-88 годах в ответ на нежелательные для Китая внешнеполитические шаги (критику Албанией политической линии КПК, сближение Вьетнама с СССР и ввод вьетнамских войск в Камбоджу).

5. Сдерживание экономического и военного развития – как блокада США в отношении КНР в 1949-1971, а также всеобъемлющие санкции США против СССР.

По мнению Янь Лян, на современном этапе китайской дипломатии более присущи категории 1 и 2 (корректировка внешнеполитических действий по отдельным принципиальным вопросам и направление сигнала

¹¹ Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цзинцзи Чжицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао, 2012. Т. 29. №6. С. 16-29. [Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions on Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012, Vol. 29, No. 6, Pp. 16-29.]

лов), тем не менее, не исключается переход к более жестким мерам. Автор, анализируя опыт применения санкций в XX в., констатирует, что умеренные меры, нацеленные на изменение конкретных аспектов политики иностранного государства, отличаются высокой эффективностью, в то время как более жесткие всеобъемлющие санкции практически никогда не приносят необходимого эффекта.

Янь Лян считает возможным применение КНР в перспективе эмбарго на экспорт отдельных видов продукции, рассматривая в качестве примера введенные КНР в 2010 г. ограничения на экспорт редкоземельных металлов, потребляемых рядом высокотехнологичных отраслей промышленности Японии и США. В более отдаленной перспективе она считает возможным переход к ограниченному санкциям в отношении внешнего долга развивающихся стран. Применение санкций должно сочетаться с сворачиванием всех видов помощи, а также мерами по усилению политической, экономической и культурной изоляции противника.

В более ранней работе сотрудника исследовательского центра Карнеги-Цинхуа Чжао Туна, опубликованной в 2010 году, обращается внимание, что Китай более склонен применять адресные «тактические санкции», в то время, как для США характерна склонность к всеобъемлющим стратегическим мерам¹². Как и Янь Лян, автор считает адресные санкции более эффективными, в то время как американский подход он считает чрезмерным и иррациональным.

По мнению Чжао Туна «стратегические» санкции американского образца, направленные на всесторонние финансово-экономические ограничения Китая под властью КПК, были исторически неэффективны и лишь способствовали консолидации китайского общества. К таким ограничениям он отнес санкции США и КоКом 1949-1971 годов, изоляцию со стороны СССР с началом советско-китайского раскола (1960-

1970-е годы)¹³, а также период финансовой и политической изоляции, связанной с вопросами нарушения прав человека в КНР (с лета 1989 по первую половину 1990 года)¹⁴ и длящееся до нынешних дней оружейное эмбарго со стороны США в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь.

Адресные санкции («тактические»), например, в ответ на конкретные китайские нарушения в сфере нераспространения и интеллектуальной собственности, напротив, могли приводить к изменениям в китайском поведении, побуждая Китай сотрудничать и устранять вызвавшие их проблемы. И Чжао Тун, и Лян Янь делают вывод о сохранении в перспективе склонности КНР именно к такому типу санкционных мер.

Янь Лян предполагает, что КНР не будет вводить санкции, связанные с внутриполитической ситуацией в иностранном государстве, и будет воздерживаться от экстерриториальных санкций, при которых третьи страны будут страдать за сотрудничество с подсанкционным государством¹⁵.

Янь Лян предполагает, что КНР целесообразно сохранять элемент намеренной иррациональности в своей санкционной политике: трактовка и прогнозирование китайских санкционных действий должны быть максимально усложнены. Санкции не должны, как правило, официально объявляться, а вводимые ограничительные меры должны иметь альтернативные объяснения (как в случае с ограничением экспорта цветных металлов в 2010 году) и оставлять пространство для гибкости и манёвра. Следует

¹³ Ibid.

¹⁴ Many 1989 U.S. Sanctions on China Eased or Ended // *Los Angeles Times*, 30.06.1991. Mode of access: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-06-30-mn-2555-story.html>

¹⁵ Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цзинцзи Чжицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао. 2012. Т. 29. №.6. С. 16-29. [Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions On Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012. Vol. 29. No. 6, Pp. 16-29.]

¹² Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp 263-278.

отметить, что обе статьи были написаны в начале 2010-х годов, когда напряженность в отношениях Китая с США и рядом американских союзников лишь начинала расти¹⁶.

Среди ведущих китайских ученых-международников перспективы применения Китаем санкций с целью заручиться политической поддержкой малых стран, рассматривал Директор института международных исследований университета Цинхуа Янь Сюэту. В 2014 году он отмечал перспективы широкого применения санкций Китаем в отношении стран, отказывающихся от политического сотрудничества с Пекином, увязывая это с ожидаемым им в будущем изменением внешнеполитического курса КНР – переходом от отказа от вступления в блоки с другими странами к предоставлению им помощи в сфере экономики и безопасности¹⁷.

В своей статье 2018 года Янь отмечал рост роли экономического принуждения в условиях ядерного сдерживания, и сделал вывод, что будущее конкуренции между странами стоит именно за протекционизмом и экономическими санкциями. Он отмечал, что «на протяжении более чем 20 лет даже те страны, которые в целом поддерживали Китай, не могли рассчитывать на дружбу Китая в тяжелые времена, поскольку Китай не давал никаких обязательств о союзе. В будущем Китай будет решительно поддерживать тех, кто принимает его сторону, при помощи экономических выгод и даже защиты в сфере безопасности. Напротив, те, кто враждебен Китаю, будут сталкиваться с гораздо более последовательной политикой санкций и изоляции»¹⁸.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Янь Сюэту. Чжунго Синь Вайцзяо Чжэнцэ (Новый курс дипломатии Китая) / Вэбсайт Университета Цинхуа, 24.02.2014. Режим доступа: <http://www.tsinghuaedp.com/news-open.asp?id=1986> [Yan Xuetong: Zhongguo Xin Waijiao Zhengce (China's New Diplomacy Policy)/Qinghua University Website, 24.02.2014. Mode of access: <http://www.tsinghuaedp.com/news-open.asp?id=1986#>]

¹⁸ Yan Xuetong and Xi Jinping on China's Place in The World // SupChina, 26.06.2018. Mode of access: <https://supchina.com/2018/06/26/yan-xuetong-and-xi-jinping-on-chinas-place-in-the-world/>

В глазах китайских международников сформирован образ КНР как жертвы санкционного давления; этот образ транслируется вовне. Об опыте противодействия КНР масштабным санкциям опубликован и ряд исследований¹⁹. Он анализируется и в контексте будущей наступательной санкционной политики Китая.

Тем не менее, в китайской экспертной среде преобладает мнение о том, что применение КНР санкционных мер будет расти. Китайские санкции будут, как правило краткосрочными и направленными на изменение конкретных аспектов поведения иностранных государств. Как правило, они будут вводиться в ответ на действия, интерпретируемые КНР как нарушение ее «коренных интересов» (независимость и невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность, военная безопасность и т.п.). Китайские санкции будут внезапными, не будут объявляться официально и будут вводиться под видом неполитических решений регулирующих органов. Введение экстерриториальных санкций американского образца, либо долгосрочных системных стратегических санкций, направленных на полную приостановку связей с противником в обозримом будущем маловероятно. По мере роста китайской экономики у КНР может появиться аппетит к более широкому применению санкций, носящих более жесткий характер, включая финансовые.

Практика китайской санкционной политики

За пределами КНР число работ, посвященных анализу китайской санкционной политике в последние годы также быстро растет. Изучение этой темы часто построено на методологии кейс-стади: авторы либо агрегируют случаи введения санкций со стороны КНР за определенный период

¹⁹ Фэн Вэйцзян. Чжунго Жухэ Индуй Сифан Гоцзя Чжэнчжи Хэ Цзинцзи Чжицай (Как Китай противостоит политическим и экономическим санкциям Запада) // Жэньминь Луньтань. 2019. №16. С. 12. [Feng Weijiang. Zhongguo Ruhe Yingdui Xifang Guojia Zhengzhi he Jingji Zhicai (How China Responds to Western Political and Economic Sanctions) // *Renmin Luntan*, 2019, No. 16. P. 12.]

времени, либо выбирают отдельные кейсы для сравнительного анализа. В частности, такой подход использован в исследовании М.С. Равиндрана (*Madhu Sudan Ravindran*) на примере Вьетнама и Филиппин в контексте территориальных споров с КНР в Южно-Китайском море²⁰. В докладе П. Харрела, Э. Розенберг и Э. Саравалле (*Peter Harrell, Elizabeth Rosenberg, and Edoardo Saravalle*) проанализировано 9 кейсов экономического принуждения со стороны КНР, начиная с 2009 года (при этом учитываются как односторонние действия КНР, так и ее участие в многосторонних санкциях).

В этих исследованиях, как и в исследованиях китайских авторов отмечается, что китайские санкции вводятся, как правило, в качестве ответной меры на посягательство иностранного государства на китайские «коренные интересы»²¹.

Например, приостановка импорта лосося из Норвегии в 2010 году последовала в ответ на присуждение Нобелевской премии мира известному китайскому диссиденту Лю Сяобо, что, с китайской точки зрения, являлось вмешательством во внутренние дела КНР. Аналогичным образом можно рассматривать меры, предпринятые КНР в отношении Монголии в ответ на визит Далай-ламы в эту страну в 2016 году²².

В качестве ответа на «вмешательство во внутренние дела» рассматривали китайцы и свои угрозы санкциями в адрес американского бизнеса за поставки оружия на Тайвань.

Меры в отношении Японии, Филиппин и Вьетнама в 2010-2012 годах вводились на фоне обострения ситуации вокруг спорных островов Дяоюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море и территориальных споров в Южно-Китайском море. Таким образом, с китайской точки зрения, речь шла о посягательстве иностранных государств на территориальную целостность страны²³.

Соображениями военной безопасности объяснялись китайские санкции против Южной Кореи, введенные в 2016 году в ответ на размещение в этой стране первой батареи американских комплексов противоракетной обороны *THAAD*²⁴.

В ходе конфликтов с такими ведущими экономическими державами, как США и Япония, Китай угрожает применением санкций, но в реальности применяет подобные экономические меры весьма сдержанно.

США

КНР дважды прибегала к открытым угрозам введения антиамериканских санкций за поставки американского оружия на Тайвань. Впервые заявление о возможном введении ограничений против американских компаний, вовлеченных в поставки оружия на остров были сделаны в 2010 году²⁵. Угрозы были повторены при одобрении Государственным департаментом США очередной партии вооружений для острова в 2019 году²⁶. Несмотря на то, что некото-

²⁰ Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

²¹ Под «коренными интересами» в китайской внешнеполитической риторике, как правило, понимаются независимость, политическая система, территориальная целостность, безопасность, важнейшие интересы экономического развития.

²² China Says Hopes Mongolia Learned Lesson After Dalai Lama Visit // *Reuters*, 24.01.2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-china-mongolia-dalailama/china-says-hopes-mongolia-learned-lesson-after-dalai-lama-visit-idUSKBN158197>

²³ China "Blocks" Mongolia Border after Dalai Lama Visit // *Al Jazeera*, 10.12.2016. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/2016/12/china-blocks-mongolia-border-dalai-lama-visit-161210060313417.html>

²⁴ South Korea's "Three No's" Announcement Key to Restoring Relations with China // *Hankyoreh*, 02.11.2017. Mode of access: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/817213.html

²⁵ U.S. Deal with Taiwan Has China Retaliating // *The New York Times*, 30.01.2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/01/31/world/asia/31china.html>

²⁶ China Vows Sanctions on U.S. Firms Selling Arms to Taiwan // *The New York Times*, 12.07.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/07/12/world/asia/taiwan-arms-china-sanctions.html>

рые из компаний, участвовавших в сделках, имели активы в КНР, либо поставляли туда гражданскую продукцию, ни о каких конкретных мерах введенных против них не было известно.

Среди американского бизнеса, работающего на китайском рынке распространено понимание того, что Китай может отвечать ограничением доступа на свой рынок на такие действия США, как поставки оружия на Тайвань или критика ситуации с правами человека в КНР²⁷. Однако такие ограничения носят неформальный характер и не всегда можно показать их связь с теми или иными действиями со стороны США.

На фоне протестов в Гонконге в 2019 году Китай недавно объявил о возможности введения санкций против американских НКО в связи с их предполагаемой роли в разжигании протестного движения²⁸. В качестве возможных целей санкций упоминались *Human Rights Watch*, Фонд национальной демократии (NED), Международный республиканский институт США (IRI), Национальная ассоциация за демократию по международным делам (NDI) и ряд других²⁹. На момент написания этой статьи санкции, однако, не были введены.

В целом, для КНР характерна сдержанность в применении санкционных инструментов в отношении США. Фактически, пока Китай не идет дальше угроз и не пытается вводить контрсанкции в ответ на антиамериканские санкции США. Это контрастирует с довольно жесткой линией Китая в рамках параллельно развивавшейся торговой войны с США, когда на каждое введение новых американских тарифов Китай

отвечал собственными тарифными мерами в отношении американского экспорта.

Япония

На японском направлении китайские действия заходили дальше простых заявлений. На фоне обострения ситуации вокруг островов Сэнкаку в 2009-2012 годах Китай отменял двусторонние переговоры, а разгневанными представителями общественности при возможном одобрении властей организовывались бойкоты японских товаров.

Широкий политический резонанс в мире вызвало в этот период резкое ужесточение Пекином с 2010 года экспортных квот на производство и экспорт за рубеж редкоземельных металлов, в больших количествах, потребляемых высокотехнологичными отраслями промышленности, прежде всего электронной. Китай занимал в тот период монопольное положение на мировом рынке редкоземельных металлов (более 93% мировой добычи).

Следует отметить, что сам механизм экспортных квот существовал в КНР с 2006 года и Китай ежегодно сокращал их в соответствии с долгосрочными планами реструктурирования индустрии редкоземельных металлов. Однако ужесточение квот в 2010 году оказалось резким и внезапным – сразу на 40%.

После инцидента с столкновением корабля сил береговой охраны Японии и китайского траулера в районе островов Сэнкаку 7 сентября 2010 года появились сообщения о том, что китайская таможня на некоторое время запретила китайским компаниям вообще отправлять грузы редкоземельных металлов в Японию, не публикуя на эту тему никаких официальных документов³⁰.

Китай отрицал наличие таких запретов. При этом Япония к 23 сентября освободила весь задержанный ее пограничниками экипаж китайского траулера, включая капитана, что может говорить об успешности китайского давления.

Китайские квоты вели к росту издержек у производителей электроники и не-

²⁷ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

²⁸ Дали отпор: Китай ударил санкциями по США (A Rebuff: China Hits On the U.S. With Sanctions) // РИА Новости, 03.12.2019. Режим доступа: <https://ria.ru/20191203/1561868830.html>

²⁹ Бэй Чжунго Дянь Мин Чжицай: Мэйго Хоган NGO Да Циди (Санкции именем Китая! Удар по американским неправительственным организациям, наносящим вред Гонконгу) // *People.cn*, 04.12.2019. Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2019/1204/c1002-31489037.html>

³⁰ Amid Tension, China Blocks Vital Exports to Japan // *The New York Times*, 22.09.2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/09/23/business/global/23rare.html>

которых типов аккумуляторных батарей по всему миру, при этом Япония оказывалась среди главных пострадавших. Ограничения включали в себя квоты на добычу и экспорт редкоземельных металлов, а также экспортные пошлины на некоторые из них.

Вместе с тем, введение этих мер было бы ошибочным рассматривать исключительно, или даже главным образом в качестве элемента санкционного давления на Японию. Величина китайских экспортных пошлин и квот никак не зависела от направлений экспорта и среди пострадавших стран, помимо Японии, были США, ЕС, Мексика, Бразилия, Южная Корея и Индия – именно эти страны, вместе с Японией, в итоге и подали жалобу в ВТО. Ее рассмотрение в 2015 году привело к отмене китайских ограничений.

Основной целью китайских экспортных ограничений, были глубокие структурные реформы отрасли по добыче и переработке редкоземельных металлов, с выводом с рынка малых и устаревших компаний, консолидацией бизнеса и стимулированием развития более глубокой переработки сырья на китайской территории³¹.

Таким образом, в целом ограничение экспорта редкоземельных металлов проводилось вне связи с какими-либо внешне-политическими соображениями, но резкое сокращение экспортных квот с 2010 года и краткосрочный неформальный запрет на экспорт в Японию в сентябре 2010 года были, вероятно, вызваны осложнением отношений с Токио. Таким образом, они представляют собой пример скрытых и трудно интерпретируемых санкций, о полезности которых говорят китайские авторы.

Вместе с тем, в целом оказание санкционного давления на Японию представляет для КНР нелегкую проблему из-за включенности обеих стран в общие производственные цепочки, отмечалось в 2012 году в статье исследователя Института торгово-экономического сотрудничества Министерства коммерции КНР Мэй Синьюй.

³¹ Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Из-за возможных последствий для китайской промышленности, меры экономического давления на Японию должны тщательно просчитываться, к санкциям против японских высокотехнологичных индустрий необходимо подходить особенно осторожно. По этой причине нецелесообразно ограничивать доступ японских инвесторов на китайский рынок и вводить ограничения на японское оборудование и промежуточную продукцию.

Автор допускает использование ограничений на экспорт редкоземельных металлов в качестве меры давления на Японию, но отмечает, что в целом экспортные ограничения – не лучший путь для Китая, поскольку большинству китайских товаров японцы смогут легко найти заменители.

Наиболее предпочтительным вариантом давления Мэй Синьюй считает избирательные бойкоты отдельных видов японской потребительской продукции, которые должны осуществляться с учетом политической позиции руководства конкретных японских компаний. Другим вариантом давления, с его точки зрения, является торговля услугами, прежде всего, китайский выездной туризм в Японию³².

Именно по этим линиям и развивалось давление на Японию при очередном обострении ситуации вокруг островов Сенкаку в августе-сентябре 2012 года в связи с решением правительства Японии приобрести спорные острова у частного владельца.

В ряде крупных городов КНР организовывались массовые антияпонские демонстрации, участники которых призывали к бойкоту японских товаров, громили машины японских марок, блокировали японские магазины и предприятия. Китайские туристические компании массово отказывались от туров в Японию.

Комплексная оценка нанесенного в тот

³² Мэй Синьюй. Дуй Жи Цзинцзи Чжицай Дэ Сы Да Сюаньцзэ (Четыре больших выбора в применении экономических санкций в отношении Японии) // *Чжунго Цзинцзи Чжоукань*. 2012. №37. С. 10. [Mei Xinyu. Dui Ri Jingji Zhicai de Si Da Xuanze (Four Great Choices in Economic Sanctions Against Japan) // *Zhongguo Jingji Zhoukan*, 2012. No. 37, p. 10.]

период ущерба отсутствует, однако только компания *Toyota* в результате произошедших погромов и бойкота была вынуждена сократить план продаж автомобилей в КНР в 2012 году на 200 тысяч единиц, *Honda* – на 130 тысяч единиц, *Nissan* – на 130 тысяч единиц³³. Падение продаж туров в Японию только в Шанхае составило около 20%³⁴.

Принятые тогда меры, впрочем, не оказали влияния на японскую позицию: решение о приобретении островов японским государством пересмотрено не было. Вместе с тем, смог продемонстрировать способность применять инструменты экономического давления в отношении Японии, что в дальнейшем не могло не учитываться в политике Токио в отношении Пекина.

Южная Корея

Примером масштабных и успешных китайских неформальных санкций в ответ на действия, нарушающие коренные интересы китайского государства, можно считать меры в отношении Южной Кореи в 2016 – 2017 годах, в ответ на размещение там американских комплексов ПРО *THAAD*.

Факт применения таких санкций не признавался Китаем официально, с правовой точки зрения речь шла о претензиях к качеству продукции, исполнению южнокорейцами предписаний китайских регуляторов и т.п.

Впрочем, китайцы не делали и попыток отрицать факт введения мер экономического давления на Сеул.

Содержание санкций и китайская стратегия давления вполне открыто обсуждались в китайских СМИ. Например, статья 2017 года в издании «Хуанцю Шибao» по поводу размещения в Южной Корее и *THAAD*³⁵

указывала, что Китай не будет применять против Южной Кореи тотальных мер экономического давления.

Вместо этого санкции были дозированными, чтобы «нанести точечный удар изнутри», то есть заставить страдающие от китайских мер южнокорейские корпорации надавить на правительство. Наиболее уязвимыми направлениями для давления назывались туризм, шоу-бизнес, принадлежащий южнокорейским корпорациям (*Hyundai, Samsung, Lotte Group*) бизнес в КНР. Таким образом, список целей для санкций был более обширным, чем в случае Японии.

Санкции были тесно скоординированы в возросшей активностью китайской дипломатии, которая пыталась, как минимум, получить от Южной Кореи обязательства не размещать на своей территории новых американских систем ПРО, а как максимум, добиться вывода уже размещенной батареи.

Действия китайских властей, такие как ограничения на отправку китайских туристических групп в Южную Корею, ограничения на гастроли южнокорейских артистов в КНР, усложнение импортно-экспортных процедур, усиление регулятивного давления на южнокорейский бизнес в Китае, привели к снижению ВВП Южной Кореи на 0,4 процентного пункта в 2017 году³⁶.

Усилия государственных органов сопровождалась и народным бойкотом южнокорейских товаров в КНР. По данным южнокорейского правительства, китайский въездной туризм снизился на 48% в 2017 г. по сравнению с 2016 г., причем наибольший спад пришелся именно на групповые путевки.

К тому же зачастую были затронуты не только иностранные товары, но и произведенные внутри КНР под именем иностранных брендов (так было, в частности, в

³³ China Anti-Japan Protest Damage May Be over US\$100m // *South China Morning Post*, 13.11.2012. Mode of Access: <https://www.scmp.com/news/china/article/1081778/china-anti-japan-protest-damage-may-be-over-us100m>

³⁴ Chinese Tourists Cancel Trips to Japan Amid Island Spat // *CNN*, 13.09.2012. Mode of Access: <https://web.archive.org/web/20120916093052/http://www.cnn.com/shanghai/life/chinese-tourists-cancel-trips-japan-amid-island-spat-110241>

³⁵ Чжунго Чжицай Ханьго Яо Жан Та Нэй Шан Чжуньбэй Юй Хань Сяньжу Чанци Цзянчи

(Санкции Китая в отношении Южной Кореи оставят болезненный след. Готовясь к тупику) // *Huangqiu*, 01.03.2017. Режим доступа: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnK0TTh>

³⁶ South Korean Business Improves in China Ahead of Moon's First Visit // *Nikkei*. 13.12.2017. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Politics/South-Korean-business-improves-in-China-ahead-of-Moon-s-first-visit>

2017 г., когда после *ТНААД* граждане КНР отказались покупать корейские машины, при этом часть производства расположена в КНР и эти ограничения затронули китайских рабочих)³⁷.

Результатом китайской кампании давления на Южную Корею, продлившейся около года, стало согласие Сеула 31 октября 2017 года дать Пекину ряд важных политических обязательств, известных как Три «нет»: не размещать в Южной Корее новых американских комплексов ПРО, не становиться частью глобальной американской сети ПРО, не вступать в тройственный союз с участием Японии и США³⁸. Обязательства, хотя и не зафиксированные в договоре, затрагивали вопросы отношений Южной Кореи с третьими странами и могли рассматриваться как значительный успех китайской дипломатии. В то же время, Пекину не удалось заставить Южную Корею избавиться от уже размещенной на ее территории единственной американской батареи *ТНААД*.

Тайвань

Китай использовал меры экономического давления на Тайвань после победы на президентских выборах 2016 года представителя Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, негативно настроенной по отношению к сближению с Пекином. Китайской стороной были введены ограничения на отправку на остров туристических групп, что привело к сокращению турпотока на 30%³⁹. Меры по ужесточению давления на тайваньскую экономику продолжались в 2018 и 2019 году, вероятно, с целью сни-

зить популярность администрации Цай и принудить ее к более сдержанному поведению в вопросах статуса острова. Основным направлением давления по-прежнему был туризм. Например, в июле 2019 года был введен запрет на индивидуальные туристические поездки жителей материка на остров, что привело к снижению числа поездок, по предварительным оценкам, на 700 тысяч⁴⁰. Мера, однако, оказалась не слишком успешной, поскольку спад туризма из Китая был компенсирован притоком туристов из других азиатских стран⁴¹.

Меры экономического давления на Тайвань оказались, в целом, не слишком успешными. В определенные периоды китайское давление и замедление экономики острова приводило к снижению популярности ДПП (партия потерпела болезненное поражение на местных выборах 2018 года), но не могло перевесить негативные для Пекина тенденции в тайваньской внутренней политике, связанные в том числе с массовыми протестами в Гонконге 2019 года. В результате Цай одержала повторную победу на президентских выборах в январе 2020 года, а ее политика осталась неизменной.

Филиппины

Китайские меры давления на Филиппины осуществлялись главным образом до избрания президентом страны Родриго Дутерте летом 2016 года. Катализаторами для китайских шагов были жалобы Филиппин в Международный арбитражный суд в Гааге в 2013 году и общее ужесточение в первой половине 2010-х годов филиппинской позиции для в территориальном споре в КНР из-за ряда островов и отмелей в Южно-Китайском море.

Первый раунд санкций против Филип-

³⁷ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. P. 16. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

³⁸ South Korea's "Three No's" Announcement Key to Restoring Relations with China // *Hankyoreh*, 02.11.2017. Mode of access: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/817213.html

³⁹ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. P. 9. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁴⁰ Mainland Chinese Tourists are Staying Away from Taiwan, but the Self-Ruled Island Doesn't Seem to Mind // *South China Morning Post*, 23.10.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/travel/article/3034071/mainland-chinese-tourists-are-staying-away-taiwan>

⁴¹ China Tried to Threaten Taiwan by Weaponizing Tourism, but It Didn't Work // *Quartz*, 07.01.2020. Mode of access: <https://qz.com/1780709/taiwan-tourism-hits-record-high-despite-china-boycott/>

пин, включавший в себя приостановку отправок в страну китайских туристических групп и ограничение импорта филиппинских фруктов (по санитарным соображениям) был введен в качестве реакции на противостояние кораблей береговой охраны КНР и Филиппин у отмели Скарборо в апреле 2012 года⁴². В дальнейшем против Филиппин применялись такие меры, как сокращение китайских инвестиций и кредитования, ужесточение визовой политики, ужесточение стандартов финансовых проверок в отношении филиппинских компаний в Китае.

В отношении Филиппин отмечалась возможность использования таких мер, как сокращение закупок филиппинских фруктов через *Taobao* в связи с арбитражем по статусу островов в ЮКМ. Отмечаются такие показательные случаи, как блокирование филиппинской продукции в интернет-магазине *Taobao* с размещением надписей «Заморим филиппинцев голодом» (饿死菲律宾人)⁴³.

Норвегия

После вручения Нобелевской премии мира известному китайскому диссиденту Лю Сяобо в 2010 году, КНР ввела неформальные ограничения на импорт норвежского лосося, который сократился на 63%⁴⁴. Ограничения выражались на практике в рез-

ком усложнении и затягивании таможенного оформления норвежского лосося, требованиях дополнительных санитарных документов, усложнении процедур получения необходимых разрешений и т.п.⁴⁵ Лосось был крупнейшей, но не единственной составляющей норвежского экспорта, подвергшейся санкциям. Потери для норвежского экспорта оцениваются в 0,76-1,3 млрд долларов в период 2011-2013 гг.⁴⁶

Китай также использовал и неэкономические инструменты, лишив Норвегию в январе 2013 г. транзитных преференций (безвизового режима в течение 72 часов)⁴⁷, было отказано в китайской визе бывшему премьер-министру и возникали затруднения при общении со старшими дипломатами)⁴⁸.

Обращение Норвегии в ВТО в ситуации с Лю Сяобо не дало результатов. Взаимное соглашение между Норвегией и КНР было достигнуто в 2016 г., когда Китай согласился возобновить импорт норвежской продукции. Норвегия опубликовала достаточно сдержанное сообщение о смерти Лю Сяобо в китайской тюрьме в 2017 году⁴⁹.

⁴² Harrell, P. et al. *China's Use of Coercive Economic Measures* / Center for a New American Security, 2018. P. 9. Mode of Access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁴³ Хуа Юнь : Жуго Яо Цзинци Чжицай Фэйлюйбинь Гай Цзэньмэ Чучжао ? (Хуа Юнь: Если Китай будет применять экономические санкции в отношении Филиппин – какими они будут?) // *Guancha*, 14.07.2016. Режим доступа: https://www.guancha.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml [Hua Yun: Ruguo Yao Jingji Zhicai Feilubin. Gai Zenme Chuzhao (If China Decides to Implement Economic Sanctions Against Filippines – What Might They Be Like?) // *Guancha*, 14.07.2016. Mode of access: https://www.guancha.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml]

⁴⁴ Norway Sees Liu Xiaobo's Nobel Prize Hurt Salmon Exports to China // *Financial Times*, 15.08.2013. Mode of access: <https://www.ft.com/content/ab456776-05b0-11e3-8ed5-00144feab7de>

⁴⁵ Chen, X.; Garcia, R. J. *Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports* // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

⁴⁶ Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and Foreign Policy // *International Political Science Review*, 2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

⁴⁷ Бэйцзин Гоцзин Мянъянь Новэй Шоу Пайцзи (Пекин лишает Норвегию преференций безвизового въезда) // *Voice of America Chinese*, 07.12.2012. Режим доступа: <https://www.voachinese.com/a/beijing-to-allow-visa-free-transit-trips-20121206/1559981.html> Zhang, K.V. *Chinese Non-Military Coercion – Tactics and Rationale* / Brookings University, 22.01.2019. Mode of access: <https://www.brookings.edu/articles/chinese-non-military-coercion-tactics-and-rationale/>

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Хуа Юнь: Жуго Яо Цзинци Чжицай Фэйлюйбинь Гай Цзэньмэ Чучжао ? (Хуа Юнь: Если Китай будет применять экономические санкции в отношении Филиппин – какими они будут?) // *Guancha*, 14.07.2016.

Монголия

Против Монголии неформальные санкции вводились дважды в ответ на визиты в эту страну Далай-ламы, воспринимавшихся Пекином как вмешательство в китайские внутренние дела и косвенная поддержка тибетского сепаратизма. Ответом на визиты 2002 и 2016 года становилось резкое ужесточение пограничных процедур для автомобильного и железнодорожного транспорта, что приводило к нарушениям торговли Монголии с внешним миром (Монголия осуществляет торговлю с большинством государств, помимо Китая, через китайские морские порты). Таким образом, использовалась уязвимость Монголии, как государства лишённого выхода к морю⁵⁰. В 2016 году в ответ на визит Далай-ламы Китай также прервал переговоры о предоставлении Монголии кредита в 4,2 млрд долларов, необходимых для рефинансирования уже имевшейся у Монголии задолженности. В результате Монголия в декабре 2016 года была вынуждена дать обязательство не приглашать более Далай-ламу⁵¹.

Выводы

Китай постепенно наращивает применение односторонних экономических санкций. Есть все основания ожидать, что их использование будет становиться все более активным по мере роста экономического могущества КНР.

Mode of access: https://www.guanchna.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml
Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures. Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁵⁰ Родионов В.А. Фактор Далай-Ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. 2017. №.9. С. 153-157. [Rodionov, V.A. Faktor Dalaj-Lamy XIV v sovremennyh mongolo-kitajskih otnosheniyah (The Dalai-Lama XIV Factor In Modern Sino-Mongolian Relations) // *Vlast'*, 2017. No. 9. Pp. 153-157.]

⁵¹ Mongolia Says Dalai Lama Will not Be allowed Future Visits // *AP News*, 21.12.2016. Mode of access: <https://apnews.com/8c026337a97640309f4bdb530bf6cd07/Mongolia-says-Dalai-Lama-will-not-be-allowed-future-visits>

Практически все случаи применения Китаем экономических санкций до настоящего времени были связаны с защитой Пекином так называемых «коренных интересов».

Китай, по крайней мере, в своей интерпретации, реагировал санкциями на вмешательство внешних игроков в тайваньскую или тибетскую проблемы, попытки повлиять на внутривнутриполитическую обстановку в КНР (Норвегия и Лю Сяобо), посягательства на территориальную целостность (споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море) и военную безопасность КНР (размещение систем ПРО в Южной Корее).

Китай пока что не склонен вводить экономические санкции с целью повлиять на аспекты политики иностранного государства, не затрагивающие его коренные интересы и исключает для себя введение односторонних санкций по идеологическим соображениям. Вместе с тем, такой подход может измениться по мере расширения сферы китайских глобальных интересов и перехода КНР к более активной внешней политике по формированию альянсов в разных регионах мира.

Китайские санкции практически всегда являются неформальными, внезапными и непредсказуемыми. Китай стремится сохранять максимальную гибкость и полную свободу действий в вопросах эскалации и дээскалации санкционного давления. В некоторых случаях санкции заключаются лишь в частной корректировке уже предпринимаемых мер регулирования внешней торговли с целью оказать давление на партнера.

Китайские санкции всегда направлены на достижение конкретных изменений в политике партнера в ограниченный период времени. При достижении поставленной цели, либо при изменении международной ситуации санкции сворачиваются.

Готовность КНР применять экономические санкции обратно пропорциональна роли, которую играет потенциальный объект санкций в мировой политике и экономике. Неоднократные угрозы санкций в отношении США так и остались нереализованными, санкции против Японии носят тщательно выверенный и ограниченный характер, но уже Южная Корея стала объектом

сильнейшего санкционного давления, продлившегося более года и приведшего к изменению в южнокорейской политике. Давление на малые страны (Монголия, Норвегия) может быть особенно жестким.

Излюбленными для Китая объектами санкционного давления являются экспорт потребительских и сельскохозяйственных товаров в КНР, а также туризм. Китай не склонен применять санкционные меры в отношении зарубежного промышленного сырья, полуфабрикатов и оборудования, опасаясь негативного влияния на собственную промышленность.

Практическая реализация китайских неофициальных санкций находится, как правило, в руках таможенных органов, органов санитарного контроля и других органов госрегулирования экономики. Теоретический анализ вопросов применения санкций ведется в ряде китайских университетов и в системе министерства коммерции КНР. Вероятным центром принятия решений о санкциях является Малая руководящая группа по внешней политике ЦК КПК как основной центр принятия решений в сфере связей с зарубежными странами.

Литература:

Родионов В.А. Фактор Далай-Ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // *Власть*. 2017. №9. С. 153-157.

Тимофеев И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>

Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

Chen, X.; Garcia, R.J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and Foreign Policy // *International Political Science Review*,

2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp. 263-278.

Бай Ляньляй. Чжунго Вэйхэ Бу Юань Шиюн Цзинци Цижицай (Почему Китай не хочет прибегать к экономическим санкциям) // *Фудань Гоци Гуаньси Пинлунь*, 2016, №1. С. 150-166.

Мэй Синьюй. Дуй Жи Цинци Цижицай Дэ Сы Да Сюаньцэ (Четыре больших выбора в применении экономических санкций в отношении Японии) // *Чжунго Цинци Чжоукань*. 2012. №37.

Фэн Вэйцзян. Чжунго Жухэ Индуй Сифан Гоцзя Чжэнчжи Хэ Цинци Цижицай (Как Китай противостоит политическим и экономическим санкциям Запада) // *Жэньминь Луньтань*. 2019. № 16.

Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цинци Цижицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // *Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао*, 2012. Т. 29. №6. С. 16-29.

References:

Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

Bai Lianlei. Zhongguo Weihe Bu Yuan Shiyong Jingji Zhicai (Why Is China Unwilling to Employ Explicit Economic Sanctions?) // *Fudan Guoji Guanxi Pinglun*, 2016, No.1. Pp. 150-166.

Chen, X.; Garcia, R.J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

Feng Weijiang. Zhongguo Ruhe Yingdui Xifang Guojia Zhengzhi he Jingji Zhicai (How China Responds to Western Political and Economic Sanctions) // *Renmin Luntan*, 2019, No. 16.

Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and For-

eign Policy // *International Political Science Review*, 2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Mei Xinyu. Dui Ri Jingji Zhicai de Si Da Xuanze (Four Great Choices in Economic Sanctions Against Japan) // *Zhongguo Jingji Zhoukan*, 2012. No. 37.

Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

Rodionov, V.A. Faktor Dalaj-Lamy XIV v sovremennyh mongolo-kitajskih otnosheniyah (The Dalai-Lama XIV Factor In Modern Sino-Mongolian Relations) // *Vlast'*, 2017. No. 9. Pp. 153-157.

Timofeev, I. Ekonomicheskie sankcii kak politicheskoe ponyatie // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 02.10.2019. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>

Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp. 263-278.

Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions on Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012, Vol. 29, No. 6, Pp. 16-29.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024

CHINESE ECONOMIC SANCTIONS POLICY: THEORY AND PRACTICE

Vasily B. Kashin

*National Research University Higher School of Economics, MGIMO University,
Moscow, Russia*

Anastasiia S. Piatachkova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Lyubov S. Krasheninnikova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 04.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 19.03.2020</p>	<p>Abstract: China is perceived, on the one hand, as a long-term object of sanction pressure, on the other hand, as a consistent critic of using unilateral sanctions for political purposes. At the same time China has regularly applied unilateral economic sanctions at least since 2000-ies. As the PRC's economic power grows, the world sees a rising number of the Chinese unilateral sanctions, which become increasingly effective. Analyzing China's sanctions policy is complicated, as Beijing's unilateral sanctions mostly lack any official announcement. The tools of sanction pressure concern export control, public authorities' increased activity, sanitary restrictions, canceling previously approved credit lines, etc. China is most ready to apply sanctions as a response to issues concerning the offence of its military security and infringement of its and territorial integrity, both being identified as core national interests. Yet the number of sanctions applied to ensure a wider range of objectives is increasing. This article studies the Chinese approaches to the application of unilateral sanctions that are reflected in available publications of the Chinese scholars and particular examples of PRC's sanctions policy. Since this paper is specifically focused on unilateral economic sanctions, it does not address the issues of China's participation in implementation of sanctions measures introduced by the UN Security Council</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Vasily B. Kashin</i>, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics; Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p> <p><i>Anastasiia S. Piatachkova</i>, Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics</p> <p>e-mail: apyatachkova@hse.ru</p> <p><i>Lyubov S. Krasheninnikova</i>, Expert, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics</p> <p>e-mail: liubovkrasheninnikova@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>China; sanctions; economic diplomacy; trade war between China and the USA; China's foreign policy</p>	

Для цитирования: Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024

For citation: Kashin, Vasily B.; Piatachkova, Anastasiia S.; Krasheninnikova, Lyubov S. Kitayskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsiy: teoriya i praktika (Chinese Economic Sanctions Policy: Theory and Practice) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024